

Батурина Ольга Алексеевна

"...ЛЮБОВЬ, УДИВЛЕНЬЯ МГНОВЕННАЯ ДАНЬ..." (СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА "ЛЮБОВЬ" И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАНТЫ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Б. ПАСТЕРНАКА)

В статье подробно рассматриваются содержание концепта "Любовь" и его репрезентанты в поэтических текстах Бориса Пастернака. На основе проведённого исследования автор даёт характеристику структуры и общих параметров указанного концепта, как он представлен в стихотворных текстах Б. Л. Пастернака, что в будущем может стать основой для описания разноуровневых языковых средств, которые участвуют в репрезентации семантики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 39-44. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Даржай А. Четкер четкизи. Кызыл, 1996. 316 с.
2. Көжелдей М. Төрөөн чурттан ыракка. Кызыл, 1995. 128 с.
3. Кузнецова Э. В. Итоги и перспективы классификации русских глаголов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. 216 с.
4. Курилович Е. Заметки о значении слова // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. 490 с.
5. Кызыл-Эник К. Уйгу чок Улуг-Хем. Кызыл, 2002. 368 с.
6. Кызыл-Эник К. Улуг-Хем. Кызыл, 1978. 328 с.
7. Монгуш К.-Л. Азаның бичези кончуг. Кызыл, 1989. 240 с.
8. Монгуш К.-Л. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1993. Т. I–II. 384 с.
9. Ондар В. Дүнеки чорумал. Кызыл, 1994. 112 с.
10. Плунгян В. А. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. М.: ООО «Русские словари», 2002. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира / ред. В. П. Плунгян. 340 с.
11. Степанова В. В. Значение слова и классификация слов по значению // Слово как предмет изучения: сб. научных трудов. Л.: ЛГПИ, 1977.
12. Сүрүң-оол С. Тывалаар кускун. Кызыл, 1994. 352 с.
13. Сүрүң-оол С. Чогаалдар чыындызы. Кызыл, 1991. 264 с.
14. Танова Е. Кара-Бай. Кызыл, 1994. 200 с.
15. Тараачы Б.-Б. Кайгал. Кызыл, 1994. 160 с.
16. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977. 335 с.

**SEMANTIC STRUCTURE OF VERB OF MOTION *bat*= ‘TO FALL DOWN THE RIVER
OR TO DESCEND FROM A HIGHER TO A LOWER PLACE’ IN THE TUVINIAN LANGUAGE**

Valentina Suvanovna Barys-Khoo, Ph. D. in Philology
Department of Russian Language
Tuva State University
barys-hoov@mail.ru

The author considers the structural-semantic description of the multivalent verb *bat*= ‘to fall down the river or to descend from a higher to a lower place’, shows that different meanings of the verb are derived from its lexical environment, its combination with other words, tells that compatibility with different words is a condition for the implementation of one or another meaning; and determines the differential characteristic, according to which one lexical-semantic variant is opposed to another.

Key words and phrases: verb; lexeme; lexical meaning; semantic structure of word; lexical-semantic variant; context.

УДК 81

Филологические науки

В статье подробно рассматриваются содержание концепта «Любовь» и его репрезентанты в поэтических текстах Бориса Пастернака. На основе проведённого исследования автор даёт характеристику структуры и общих параметров указанного концепта, как он представлен в стихотворных текстах Б. Л. Пастернака, что в будущем может стать основой для описания равноуровневых языковых средств, которые участвуют в репрезентации семантики.

Ключевые слова и фразы: концепт; концептуализация; концептосфера; семантическая структура; ключевая лексема; ядро концепта; макрополе концепта; структура микрополя; любовь; Б. Л. Пастернак.

Ольга Алексеевна Батурина

Кафедра иностранных языков

Брянская государственная сельскохозяйственная академия

olga.baturina.032@mail.ru

**«...ЛЮБОВЬ, УДИВЛЕНЬЯ МГНОВЕННАЯ ДАНЬ...»
(СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАНТЫ
В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Б. ПАСТЕРНАКА)®**

По словам Д. С. Лихачева, поэзия была для Б. Л. Пастернака «внутренней, душевной потребностью» [10, с. 9]. На языке искусства он стремился выразить – и выражал – своё понимание жизни, истории, природы, мира.

Как и все, о чем пишет Пастернак, тема любви в его воплощении – это слияние личного и всеобщего, конкретного и отвлеченного, реального и идеального. Он воспевае любовь как основу жизни, декларирует

постижение ее смысла как важнейшую задачу бытия, именно поэтому строки лирики поэта можно читать как исследование, посвященное концепту «Любовь» [8].

Опираясь на принятое в науке понимание концепта как семантического образования, отмеченного лингвокультурной спецификой [6] и тем или иным образом характеризующего носителей определенной этнокультуры [11, с. 38], а также опираясь на работы, в которых обосновывается принадлежность данного концепта к концептосфере русского языка [7] и показывается, что ключевой лексемой, предназначенной репрезентировать содержание данного концепта, является лексема «Любовь» [16, с. 193-196], постараемся характеризовать структуру и общие параметры указанного концепта, как он представлен в поэтических текстах Б. Пастернака.

Подобно любому концепту [19], «Любовь» - сложное ментальное образование, он определяется специалистами как 1) интенсивное, напряженное и относительно устойчивое чувство индивида; 2) выражающееся в стремлении быть с максимальной полнотой представленным своими личностно-значимыми чертами в жизнедеятельности другого; 3) таким образом, чтобы пробуждать у него потребность в ответном чувстве той же интенсивности, напряженности и устойчивости [9].

Сравним это определение с характеристикой лексемы «Любовь», важнейшего из репрезентантов одноименного культурного концепта: она многозначна, в ее семантическую структуру, по определению «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, входят значения: «1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. Постоянная, сильная склонность, увлечённость чем-либо. 4. Предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит, к кому испытывают влечение, расположение). 5. Пристрастие к чему-либо. 6. Интимные отношения, интимная связь (прост.)» [12, с. 336].

Слово - ключ, «открывающий» для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности. А языковой знак, подобно выключателю, «включает» концепт в наше сознание, активизируя его в целом и «запуская» его в процесс мышления [15, с. 39]. Поэт, который пользуется словом специфически [1], специфично представляет и содержание концепта.

Обобщая и соотнося содержание названных дефиниций (социально-психологической и языковой) и учитывая, что, как показывает анализ текстов, четвертое, пятое и шестое из словарных значений в качестве репрезентантов в стихах Пастернака не задействованы, попробуем характеризовать содержание концепта, как он отражен и как понимается поэтом. Это будут признаки: 1. Эмоционально напряженное, сердечное чувство («...та любовь, / Что тут с трудом выносятся, / Перед которой хмурят бровь / И морщат переносицу» [14, т. 1, с. 401]); 2. Чувство искреннего расположения и привязанности («Красавица моя, вся стать, / Вся суть твоя мне по сердцу, / Вся рвется музыкою стать, / И вся на рифмы просится» [Там же]); 3. Стремление к представленности в жизнедеятельности объекта («И если бы любовь взяла со мною долю были, / У дребезжащего стекла мои черты с тобой застыли» [13, т. 2, с. 294]); 4. Стремление пробуждать в объекте потребность в ответном чувстве («...О пониманье дивное, кивни, / Кивни, и изумишься! – ты свободна» [Там же, т. 1, с. 182]).

Каждому из указанных параметров соответствует особая область в макрополе концепта, которая выступает в качестве микрополя и наделена набором средств языковой репрезентации [15], что показано на Рисунке 1.

Рис. 1. Структура концепта «Любовь»

В данной статье рассмотрим подробнее, в виде каких семантических вариантов и какими языковыми средствами представлено в нашем материале первое из названных микрополей: «Эмоционально напряженное, искреннее, сердечное чувство».

Анализ стихотворений позволяет, прежде всего, увидеть, что данное микрополе включает, в свою очередь, три микрополя второй ступени (см. Рисунок 2): «Интеллектуальная насыщенность чувства», «Любовь как духовная ценность», «Любовь как безусловный центр жизни любящего».

Рис. 2. Структура микрополя первого ранга «Эмоциональное напряжение, сердечное, искреннее чувство»

Характерная для данного семантического варианта эмоциональная напряженность по-разному реализуется в названных выше субвариантах.

Интеллектуальная насыщенность обнаруживает себя в текстах Пастернака прежде всего частой обращенностью к поискам дефиниций-характеристик чувства любви, начиная с именовании: «Пошло слово любовь, ты права. / Я придумаю кличку иную. / Для тебя я весь мир, все слова, / Если хочешь, переименую» [13, т. 2, с. 153].

Интеллектуализм обнаруживает себя и в тонкости авторской иронии. Называя слово любовь «пошлым», он иронизирует, и это видно из обещания: «...я придумаю кличку иную» («кличка – имя домашнего животного; конспиративное или шутовское, насмешливое прозвище...» [12, с. 277]). Так поэт ненавязчиво защищает дорогое ему слово, за которым стоит важное в его жизни чувство.

Герой любовной лирики Пастернака интеллектуал, т.к., любя, размышляет о своих чувствах, анализирует свои ощущения и стремится проникнуть в сущность отношений, понять чувства возлюбленной, пытается лучше узнать ее через различные проявления: «Недотрога, тихоня в быту, ты сейчас вся огонь, вся горенье...». Или: «Разве хмурый твой вид передаст / Чувств твоих рудоносную залежь, / Сердца тайно светящийся пласт?» [13, т. 2, с. 152].

Казалось бы, в рамках интеллектуального субварианта следует рассматривать и следующие размышления о возлюбленной: «Ты всегда рассуждаешь по-детски»; «чересчур / Разговор твой прямой безыскусен» [Там же], но контекст обычно опровергает это первое впечатление, обнаруживая, что бытовая, спокойная оценочность – скорее, видимость рассудочной оценочности – лишь фон для подчеркивания эмоциональной насыщенности чувства: автор как бы застывает в изумлении перед тем, что вот такая простота, безыскусственность способна сочетаться с глубоким, искренним переживанием.

Обратим внимание, что это выстраивание в одном ряду обыденного и вызываемого им потрясения – очень распространенный у Пастернака прием, как и убежденность его в необходимости для поэта «впасть», как в ересь, «в неслыханную простоту» (что, забегая вперед, отметим, ему вполне удалось в конце жизни). И в подтверждение – несколько примеров: «Одна, в пальто осеннем, / Без шляпы, без калош, / Ты борешься с волненьем / И мокрый снег жуешь. / Снег на ресницах влажен, В твоих глазах тоска, / И весь твой облик сложен / Из одного куска» [Там же, т. 4, с. 535].

Особенно выразителен контраст обыденности и романтики в первой и второй строфах в следующем стихотворении: «Не плачь, не морщь опухших губ, / Не собирай их в складки. / Разбередишь присохший струп / Весенней лихорадки», – здесь кончается первая строфа, мгновенная фотография увиденного. А далее: «...Сними ладонь с моей груди, / Мы провода под током. Друг к другу вновь, того гляди, / Нас бросит нена роком» [Там же, с. 521].

Невольно вспоминается Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...» [4, с. 310]. Перефразируя, скажем: ...и чувство.

Как уже отмечалось, второе микрополе в рамках концептуализации любви как эмоциональной ценности можно назвать «Любовь как духовная ценность», и это микрополе в свою очередь включает семантические компоненты: «Любовь - Вселенная противоречий», «Любовь – обитель безумия», «Любовь – океан одиночеств», микрополя второго ранга, остановимся на их разборе.

Читая стихи Б. Пастернака, мы видим, что с первых дней осознания себя, он не отделял себя от чувства любви («Дни далеко, когда предтечей, / Любовь, ты надо мной плыла» [13, т. 1, с. 65]), с юности он представлял себе любовь как поле битв, где сшибаются мораль и природа, общество и личность, эгоизм и альтруизм, ценности духовные и влечения плотские. В сложной, завуалированной форме¹ говорит поэт о первых опытах знакомства с этим миром: «“Шагни, и еще раз”, - твердил мне инстинкт / И вел меня мудро, как старый схоластик...»; «“Научись шагам, а после хоть в бег”, - твердил он, и новое солнце зенита / Смотрело, как сызнова учат ходьбе...» [Там же, с. 110].

С годами все отчетливее убеждается поэт в фундаментальности нравственного содержания любви, и убеждение не может не прозвучать в стихах: «И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее белыми воплями / Мирозданье - лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной» [Там же, с. 133].

Обращаясь к текстам ранней прозы (в частности, к повести «Детство Люверс» и другим), можно увидеть: поэт верил, что человечество хранит в себе «большие запасы высоких нравственных требований, лелеет мечту о другой, более мужественной и чистой жизни», что эти подспудные залежи выявляются в моменты потрясений, будь то революция, отечественная война или любовь, тогда «светлые столбы тайных нравственных залеганий чудом вырываются из-под земли наружу. Люди вырастают на голову, и дивятся себе, и не узнают — люди оказываются богатырями» [14, т. 4, с. 171]. В этом - нравственный смысл любви, пробуждающей в человеке истинное. Ведь «корень красоты — отвага», а не гармония или соразмерность [Там же, т. 3, с. 521].

Выявляя набор семантических вариантов, представляющих свойства любви в мироощущении Б. Пастернака, мы уже отмечали, что в его поэзии не уделяется серьезного внимания воспеванию плотской любви. Еще в юности, рассказывая в автобиографической книге «Охранная грамота» о своей первой любви, поэт особо останавливается на соотношении в любви чувственного и духовного начал, на их противоборстве, особенно острым в юности: «Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет, / У которой суставы в запястьях хрустят, / Той, что пальцы ломает и бросить не хочет...» [13, т. 1, с. 135]. Обратим внимание на название стихотворения: «Заместительница». Вчитываясь в строки, понимаем: поэт прекрасно знал, что нередко, особенно в отрочестве, это противоборство, эта замена интимности высокой духовностью опасна, может заканчиваться трагически, вплоть до душевных надломов или даже самоубийства, но всегда утверждал приоритет высокого, чистого над бездуховностью физиологии: «Я от тебя не утаю: / Ты прячешь губы в снег жасмина, / Я чую на моих тот снег, / Он тает на моих во сне» [Там же, с. 134].

Пастернак утверждал, что любовь не должна соседствовать с пошлостью, напротив, чем глубже и искреннее чувство, тем более резко оно оттеняет пошлость, делает ее неприемлемой для влюбленного и любящего, потому что сама по себе любовь - «самое чистое из всего, что знает вселенная. И одной этой чистоты, столько раз побеждавшей в веках, было бы достаточно, чтобы по контрасту все то, что не есть оно, отдавало бездонной грязью» («Детство Люверс») [14, т. 4, с. 52].

Спасение от пошлости, говорил Пастернак, могут дать только искусство, поэзия. Только они, твердя о любви, не поступают в распоряжение инстинкта и позволяют каждому новому поколению, взяв новый барьер душевного развития, сохранить в себе лирическую истину.

В отличие от периодически входящего в моду мнения, что настоящее чувство не может быть выражено на языке слов, Пастернак верит в силу языковой выразительности, неустанно ищет все более точные слова и именованья: «...И это не из удалства / Или из ярости бесцельной, / А чтоб в тоске найти слова / Тебе для песни колыбельной» [Там же, т. 3, с. 518].

Сравнения и метафоры поэта убеждают в важности для него странного на первый взгляд сосуществования: духовность и серьезность любви совместимы для него именно с чертами быта, устроенности и прочности будней, глубина чувства освещается и высвечивается в свете будней: «Грех думать - ты не из весталок: / Вошла со стулом, / Как с полки, жизнь мою достала / И пыль обдула» [Там же, т. 1, с. 121].

Обратим внимание, какие необычные контекстуальные синонимы создает на наших глазах поэт, сталкивая одну из черт сложного семного состава одного слова с другим: весталка – жрица римской богини Весты, давшая обет целомудрия [5, с. 118], но в контексте характеристика опирается не на сему «целомудрие», а на характерное для весталок свойство излишней щепетильности, брезгливости, беззаботности, именно это противопоставляется сближению с бытом через именованья бытовых предметов и действий: «вошла со стулом», «как с полки... достала», «пыль обдула».

Еще очевиднее следующее отождествление: «самочувствие любящего – это самочувствие, это жизнь прежде всего его души» в следующих строках: «“Не трогать, свежевыкрашен”, — / Душа не береглась, / И память — в пятнах икр и щек, / И рук, и губ, и глаз» [13, т. 1, с. 123].

¹ Языковые средства, позволяющие этой форме репрезентировать концептуальную семантику, должны быть предметом отдельного анализа.

Можно заметить, что почти все стихи о любви перерастают собственно любовную тему, оказываясь включенными в мироздание. Огромность и космизм любви у Пастернака спорит с традиционным представлением о том, что любовь может нести покой и порядок. Его своеобразный космизм напоминает часто тот, что видим в поэзии Маяковского, Багрицкого, Заболоцкого. Утверждая в книге «Сестра моя — жизнь» мысль о высшей ценности бытия, поэт тем самым утверждал, что и любовь, как человеческая судьба, всего-навсего еле заметная частичка в огромном мироздании. Впуская Вселенную в жизнь любящих, Пастернак умеет передать безграничность жизни в ее красках, движениях, звуках. Отсюда такое обилие аллитераций, в которых слышатся шорохи листвы, порывы ветра, стук копыт и весенняя капель, звучание музыки вальса и грохот грома.

Подводя итог характеристике данного микрополя второго ранга, можно назвать видимые Пастернаку главные противоречия во Вселенной «Любовь»: Пошлость – Поэзия, Физиология – Духовность, Глубина – Случайность, Единственность – Всеобщность. Причем последнее способно причудливым образом соединяться: «Любимая — жуть! / Когда любит поэт, / Влюбляется бог неприкаянный. / И хаос опять вылезает на свет, / Как во времена ископаемых» [Там же, с. 155].

Многобразные поэтические приемы участвуют для воплощения мысли о часто сопутствующем любви страданию: «О ангел залгавшийся, — нет, не смертельно / Страданье, что сердце, что сердце в экземе! / Но что же ты душу болезнью натальной / Даришь на прощанье? / Зачем же бесцельно / Целуешь, как капли дождя, и как время, / Смеясь, убиваешь, за всех, перед всеми!» [Там же, с. 182].

Поэт понимал: Любовь может быть как великим счастьем, так и великим бедствием, это великая страсть, которой подчиняется все вокруг. Мечта любящего – чтобы любовь горела ровным теплым пламенем свечи, согревая жизнь, но нередко это бедствие, ураган, пожар, который может сжечь все вокруг дотла, ввергнуть в небытие, сломать человека и все вокруг него, поэтому можно утверждать, что важной составной частью анализируемого микрополя концепта выступает микрополе второго ранга «Любовь – обитель безумия»: «Ты благо гибельного шага, / Когда житье тошней недуга...» [Там же, т. 4, с. 527].

Нередки у Пастернака строчки, в которых эти полярные возможности и переходы от счастья к безумию признаются: «Привязанность, влеченье, прелесть! / Рассеемся в сентябрьском шуме! / Заройся вся в осенний шелест! / Замри или ополоумей!» [Там же].

Семантика третьего микрополя второго ранга (Рисунок 3) обнаруживает себя в сквозящей в строфах поэта мысли: при огромной тяге влюбленных друг к другу даже на вершине ее человек одинок. Любовь – высокое, горящее, но и жертвенное чувство. Облагораживая влюбленного и того, на кого направлено чувство, любовь никому не гарантирует постоянства: «Повсюду в комнатах хаос, / Он меры разоренья / Не замечает из-за слез / И приступа мигрени. / Как затопляет камыши / Волнение после шторма, / Ушли на дно его души / Ее черты и формы» [14, т. 3, с. 528].

Рис. 3. Структура микрополя второго ранга «Любовь как духовная ценность»

В полном соответствии с философской концепцией, трактующей одиночество как отсутствие свидетеля того или иного состояния, Пастернак даже слово «свидетель», точнее, вопрос о существовании его делает артефактом одиночества. В стихотворении «Плачущий сад»: «Ужасный! – / Капнет и вслушается, / все ли он один на свете / Мнет ветку в окне, как кружевце, / Или есть свидетель» [Там же, т. 1, с. 113].

Говорящий конец этого стихотворения: «Когда сквозь иней на окне / Не видно света Божья, / безвыходность тоски вдвойне с пустыней моря схожа» [Там же, т. 3, с. 527]. Безграничность счастливой любви очень похожа на безбрежность моря, но ее крушение – даже море способно превратить в пустыню.

Выявленные нами семантические признаки [2] данного контекстуального микрополя репрезентируются в текстах разноуровневыми языковыми средствами [3, с. 108-110], их использование, как предстоит показать, тоже подчиняется принципам поля, так как участие в представлении того или иного из содержательных параметров определяется местом языкового показателя по отношению к ядру или периферии.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Архипов И. К. Концептуализация, категоризация, текст, дискурс: основные теоретические понятия // Филология и культура: материалы III международной науч. конф. Тамбов, 1998. Ч. I.
4. Ахматова А. Избранное. М., 1974.
5. Большой словарь иностранных слов / сост. А. Ю. Москвин. М.: Центрполиграф, 2001.
6. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира. М.: Языки русской культуры, 1997.
7. Воркачёв С. Г. Концепт любви в русском языковом сознании // Коммуникативные исследования - 2003: современная антология. Волгоград: Перемена, 2003. С. 189-208.
8. Гехтляр С. Я. Русская традиция и русская культура в зеркале языка. СПб., 2006.
9. Головин С. Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998.
10. Лихачев Д. С. Борис Леонидович Пастернак // Пастернак Б. Собрание сочинений: в 5-ти т. М., 1989-1992. Т. 1. С. 5-46.
11. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Академия, 2004.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2000.
13. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: в 11-ти т. М.: Слово/Slovo, 2004.
14. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений: в 5-ти т. М., 1989-1992.
15. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.
16. Сви́дерская О. А. Лексема «Любовь» как ядро концепта в современном русском языке // Вестник Брянского государственного университета. 2009. № 2.
17. Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.
18. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
19. Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1976.

**“...LOVE, INSTANT TRIBUTE OF SURPRISE...” (CONTENT OF CONCEPT “LOVE”
AND ITS REPRESENTATIVES IN B. PASTERNAK’S POETIC TEXTS)**

Ol'ga Alekseevna Baturina
Department of Foreign Languages
Bryansk State Agricultural Academy
olga.baturina.032@mail.ru

The author considers in detail the content of the concept “Love” and its representatives in Boris Pasternak’s poetic texts, and basing on the conducted research gives the description of the structure and general parameters of this concept as it is presented in B. L. Pasternak’s poetic texts, which in future may become a basis for the description of different levels of linguistic means that are involved in the representation of semantics.

Key words and phrases: concept; conceptualization; conceptual sphere; semantic structure; key lexeme; core of concept; macro-field of concept; structure of micro-field; love; B. L. Pasternak.

УДК 82

Филологические науки

Статья посвящена поэтике твёрдых форм – сонета, танка, хокку, рубаи и газели – в современной якутской лирической поэзии (1985-2000 гг.). Выявлены особенности соответствия канонам классической поэзии: близость темы и проблематики, следование основным правилам и традициям (стилистические, строфические и композиционные критерии), эстетическим принципам и категориям. А также рассмотрена национальная специфика освоения строфических форм мировой литературы, что проявляется в раскрытии образа, лексике, звукописи, стремлении к выражению национального мировосприятия.

Ключевые слова и фразы: современная литература; якутская лирическая поэзия; твёрдые формы лирики; сонет; танка; хокку; рубаи; газель.

Татьяна Ниловна Васильева, к. филол. н., доцент
Кафедра якутской литературы
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
VTatyanaN@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ ОСВОЕНИЯ ВОСТОЧНЫХ И ЕВРОПЕЙСКИХ
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В ЯКУТСКОЙ ЛИРИКЕ (1985-2000 ГГ.)[©]**

Твёрдые формы в процессе литературного развития и взаимодействия культур во многих странах находили своё особое выражение, придерживаясь при этом классических канонов на основе тематики, концептуального